

Учредитель

Ю.Л. Мандрика

Издатель

ООО «СофтДизайн»

Главный редактор

Ю.Л. Мандрика

Корректор М. Дистанова

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отдел

«Литературные университеты»

В.А. Рогачев

Отдел

«Краеведение»

С.Г. Пархимович

Сдано в набор 10.06.98.

Подписано в печать 14.09.98.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Уч.-изд. л 8,2.

Усл.-печ. 9,3.

Тираж 999. Заказ № .

Адрес редакции

(для переписки):

625002, г. Тюмень,
а/я 5579.

Лицензия ЛП №063670

от 24.10.94 г.

Тел. (345-2) 25-12-84

ISBN 5-88709-108-8

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ГИПП

«Уральский рабочий».

625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

17 (29) октября исполняется 140 лет со дня рождения путешественника, писателя, исследователя
Константина Дмитриевича НОСИЛОВА
(1858–1923).

Нижепубликуемая подборка посвящена этому имени.

Ямальский проект Константина Носилова

Я узнал недавно: его приглашали в Сибирское правительство. В какое?

Их, сибирских правительств, в те смутные годы случилось немало. Приглашали в Омск. Петр Вологодский ли — премьер Временного Сибирского правительства? Или сам «верховный правитель» — адмирал Колчак?

Это неведомо. Скорее — Колчак. Они должны были знать друг друга по полярным скитаниям и проектам. Как полярные исследователи они во времени совпали и наверняка были наслышаны друг о друге.

Каким министром? Скорее — по экономической части. Но какой из Константина Носилова экономист? Он — писатель, путешественник, он — исследователь, журналист, он — просветитель и общественный деятель. Но тогда в сибирские правительства брали (и они шли!) интеллигентов.

Константин Дмитриевич отказался, скорее всего, по семейным обстоятельствам, несмотря на то, что к этому времени он уже был немолод, у него были маленькие дети и молодая жена.

Но факт о многом говорит: не только о необыкновенной популярности, но и государственной влиятельности этого частного человека в среде и российской, и сибирской интеллигенции. Впрочем, один большой проект Константин Дмитриевич деятельно хотел осуществить. Это был его ямальский проект, которым он был одержим с тех пор, как в конце XIX века добрался до полярного полуострова Ямал. Еще летом 1897 года, путешествуя по Ямалу, он задался целью отыскать легендарный Мангазейский путь.

«Я ехал на полуостров, чтобы найти этот исторический путь, что и сделал. Но река Мут-

ная оказалась маленькой речонкой, Зеленой вовсе нет, и путь оказался гораздо севернее, по другим рекам, через устье реки Морды. Волок тоже не между реками, а между озерами, целой системой озер, и всего в 60 сажен, и леса на нем нет».

Кстати, с этих времен и загорелся Константин Дмитриевич идеей сделать Ямальский волок судоходным. Мысль его начала приобретать реальные и конкретные очертания лишь с началом русско-германской войны, когда царское правительство принуждено было искать альтернативные пути сообщений. Погодился со своим проектом и сибирский уроженец Шадринска энтузиаст Носилов.

В начале 1915 года практически все сибирские газеты сообщили, что «высочайше» царем утверждено положение Совета министров о предоставлении концессии путешественнику Носилову на устройство речного водного пути через полуостров Ямал между Обской и Байдарацкой губами Карского моря. Вот как выглядел носиловский проект по словам сибирских газетчиков.

«Не обходя на судах, следующих из Западной Сибири по Обскому и Енисейскому бассейнам к европейским портам, полуострова Ямал и совсем оставляя ледяное Карское море в стороне, буксировать суда из Обской губы в губу Байдарацкую через реку Салетта (Лымбани по-самоедски), озеро Талын-То, лежащее на

водоразделе Ямала, реку Тыловку и на незначительном расстоянии, так как они достаточно в летнее время снабжены водой, река Юрибей в месте слияния с рекой Тыловкой не имеет менее двух сажен глубины до своего устья».

Этот вариант Северного морского пути, по мысли Носилова, не только сокращал на 2000 километров расстояние, но и исключал встречу со льдами Карского моря, которые, главным образом, препятствовали тогда установлению постоянного торгового сношения Сибири с Европой.

В следующем, 1916 году Носилов снарядил экспедицию во главе с инженером И. Эльпортом и сам провел рекогносцировочное обследование варианта пути, который условно назывался южно-ямальским.

Корреспонденту журнала «Русское судоходство» Носилов рассказывал:

— Весь путь будет заключаться в следующих пунктах: у Мыса Каменного будет оборудована пристань Обская со зданиями и нужными приспособлениями для остановки и ошвартовки судов, на водоразделе Ямала на озере Талын-То будет оборудован канал длиной 36 сажен, на реке Салетта и северной вершине реки Юрибея будут устроены шлюзы с расчетом пропуска судов грузоподъемностью 75 тысяч пудов и осадкой в 5 футов, и, наконец, у мыса Марра-Салэ будет устроен порт Ямал, где находится словно

нарочно созданная к услугам этого пути глубокая и просторная гавань у острова Литке, где могут останавливаться морские суда с самой глубокой осадкой.

Все оборудование этого ямальского речного пути будет, по проекту Носилова, добавлял журнал, закончено в 1918 году или — самое позднее — к 1920 году, после чего этот путь будет открыт для всеобщего пользования.

Так писал журнал еще в 1916 году. К этому времени Носилов сумел добиться права концессии на сооружение пути частными средствами. У чиновников тогдашнего Министерства путей сообщения проект встретил «полное сочувствие».

Работы начались в том же 1916 году. В Омске на иртышскую воду спустили яхту «Гая-элия», которая была доставлена из Петрограда по железной дороге, а построена в Соединенных Штатах Америки. Тобольские корабли для целей экспедиции изготовили шхуну «Юрибей». В Тобольске же были зафрахтованы два парохода с баржей, на которую погрузили сруб дома, нужные постройки и груз продовольствия на предстоящую зимовку. Видимо, подготовка потребовала значительного времени, потому что караван двинулся к Обской губе к намеченной стоянке у мыса Ямсалэ только 12 сентября. Экспедиция намеревалась устроить на Ямсалэ станцию, перезимовать там, чтобы в начале будущей нави-

гации — уже 1918 года — тронуться к устью реки Салетты.

Октябрьский переворот приостановил замыслы Носилова, но окончательно с мечтой о ямальском канале Константин Дмитриевич не расстался.

Носилов был человеком политически не ангажированным, белых-красных для него долгое время не существовало, его политика — развитие Полярной России. Говорят, что у него даже состоялась встреча именно по поводу Ямальского волока с Лениным. Факт не подтвержденный, но имеющий косвенное продолжение.

Уже после установления советской власти по ходатайству Носилова была снаряжена известная Ямальская экспедиция во главе с тем же И. Эльпортом. В организации этой экспедиции и оказывал помощь первый председатель Совета Народных Комиссаров. Однако Эльпорт оказался не тем специалистом, которому можно было поручать столь «архиважное» задание. Экспедиция не выполнила своих задач.

К. Носилов путешествовал по всему миру, писал о своих путешествиях и исследованиях, но как-то получилось, что самым любимым его краем оказался наш. Полярный просветитель и словом и делом пытался привлечь всеобщее внимание к богатому краю. И, может быть, отсчет «открытия века» на ямальской земле можно начинать именно с него.

Чудеса на Новой Земле, или Таинственное у самоедов^{*1}

Унаследованные от финских племен рассказы о золотой бабе и о бабе-яге (финск. äkä — гнев, эстл. äge — сердитый) на костяной ноге, которая в стародавние времена ворожила на бобах русским богатырям², отнесены в область народного эпоса.

Так мы, по крайней мере, до настоящего времени и думали. Но вдруг на поверку выходит, что яга-то баба, одноглазая, рябая, здравствует до последнего времени, ушла только от людского горя на Крайний Север и обитает на Новой Земле. Открыл ее там почтенный ученый Носилов и наименовал «веселой бабушкой». Хотя сведения о генеалогии, т.е. родопроисхождении сего изумительного существа собрать ему не удалось, ибо бабушка на вопросы, касающиеся сего, только «отсмеивалась», однако же ученый доподлинно выведal, что она принадлежит чуть ли не семьдесят седьмому мужу и куплена им за десять оленей и ведро водки, несмотря даже на изъян в органе зрения и на ее увядающую красоту. Носилов утверждает, что она была известной красавицей, что из-за нее бывали даже истории... и что к одному из своих

мужей питает она особенно пылкую любовь, доказательством чему служит его портрет, который хранила она под своей подушкой!

Сделав несколько намеков на таинственное происхождение «веселой бабушки», Носилов (он живет в Париже) бойко характеризует ее бесовскую живость, которая «даже собак приводит в недоумение», и дьявольскую способность гримасничать, от которой «весь чум³ постоянно покатывался со смеху». Не мудрено, что такая чертовщина «веселой бабушки» заставила нашего ученого «над нею призадуматься». Более всего заинтересовал его дар ясновидения в этом изумительном существе: точь-в-точь как на бобах ворожит. Посмотрит, бывало, в пламень костра, вскинет потом на тебя единственный черный, как уголь, глаз и скажет, что ждет тебя впереди! «Порой верить не хочется, — повествует Носилов, — так нет, словно по ее заказу так все и случится, как предсказала». Много, говорит автор, записано у него в дневнике про ее ясновидения, но он решился поделиться с публическим самым интересным. Дело в

^{*} Печатается по изданию: Тобольские губернские ведомости. 1894. №8.

¹ «Новое время», № 6441. Статья К. Носилова «Таинственное из жизни самоедов».

² Напр., Катомушка, Катома.

³ Самоедский чум на Новой Земле, где жил Носилов со своими спутниками.

том, что веселая бабушка увидела раз в пламени костра морское судно: «Дыму не видно, а паруса ходят! Ближе, ближе к нам идет, две мачты: одна большая, другая маленькая!» — предсказала самоедская пифия. И что бы вы думали? На пятый день действительно подошли к Новой Земле норвежские суда⁴. Вот какая это бабушка! В чуме на проводинах норвежцев распивали бутылку отвратительного рома. В самом разгаре оргии, как подobaет ведьмам, пьяная веселая бабушка обнимала, целовала и ласкала своего старика. И в это время, говорит Носилов, бросила на меня свой черный глаз. «Тут-то и понял я, что она больше видит в огне, чем я во всех моих книгах»⁵. (Кажется, это единственно правдивое место всей статьи о таинственном).

Подсел раз Носилов к этой чертовой бабушке и раскрыл перед нею раззолоченную английскую библию. Сгинь, думает, нечистая сила! Не тут-то было: не только не сгнула, но храбро осадила ученого мужа трудным вопросом: «А кто-де это мог написать такую книгу, в которой все есть!». Носилов со стыдливым смирением только и мог ответить: «Такие же-де, бабушка, люди, которым тоже (как

тебе, чертовке) было *кой-что открыто из чудес природы*?!».

«Мы очень дружно жили со старухой, — говорит дальше путешественник, — но все же она так мне и не раскрыла всего, что я хотел!». Когда же, скажите на милость, баба-яга раскрывала пред богатырями всю свою «подноготную»!

Подобные рассказы о веселых и добрых бабушках на севере Сибири между остяками, вогулами и самоедами ходят во многих вариантах. Мне не раз доводилось слышать подобные носиловские рассказы на реке Конде и на Северном Урале, но, должен сознаться, с бабой-ягой я не беседовал.

Не менее распространенный на Севере рассказ о «видении трех оленей» я имел удовольствие проверить на опыте. Дело было вот как.

В 1884 году я экскурсировал на Северном Урале в окрестностях горы Денежкин камень; 21 июля вздумал с проводниками подняться на ее вершину для собирания альпийских трав. Накануне мы сделали сорокаверстный переход через болота и тундру, а в пять часов утра, когда еще не успел рассеяться туман, стали подниматься в гору. К полудню близ вершины мы вступили в

⁴ Вероятнее всего, веселая бабушка слетала ночью к норвежским судам в железной ступе, а потом и след помелом замела! Какое там ясновидение! Людей морочит старая ведьма.

⁵ Отчего бы способность ясновидения веселой бабушки не утилизировать для торгового мореходства между Европой и Енисеем. Как вы думаете, господин Носилов, ведь это надежнее метеорологических наблюдений?

пояс черники и мхов. По небу ходили кучевые облака, горные сопки из отдаленного хребта то обнажались, то кутались в туманный саван. Проводник наш, охотник-зырянин, начал спотыкаться. «Что ты?» — спросил я. «Видится вон три оленя», — ответил он, указывая на окрестные горы. Я ничего не мог рассмотреть в синеющей дали при помощи сильного бинокля-дальномера, а зырянин стоит на своем: видится, да и на поди! (Нужно заметить, что в это время олени уходят очень далеко от Денежкина камня). Посмеялись мы над быстроглазым проводником и пошли дальше. Когда стали спускаться с гор, я приостановился на одном из уступов, чтобы в последний раз насладиться покидаемой природой. Передо мной развернулась чудная панорама Северного Урала, на одну из невысоких сопкок налетело облако, пронеслось далее и оставило на месте трех оленей. Даль делала предметы миниатюрными, как на картине: одна секунда — и все исчезло! Очевидно, когда олени неслись через сопку, их застигла тучка, и они по инстинкту «ошарашились»⁶. Тучка пронеслась, а олени, оставшись оторопевшими, казалось, свалились из облака. Разумеется, зырянин через несколько дней не упустит случая отыскать след и всех их перебил.

Подобное же явление Носилов рассказывает следующим образом.

Самоед Вылка так же, как и веселая бабушка, обладал ясновидением, но «мне казалось, что это просто нечто иное, как предчувствие». Однако «один странный случай мне объяснил, что он действительно «видит». Однажды шли они вместе от Карского моря к Маточкину проливу. Погода была теплая, снег мягкий. Вылка постоянно посматривал, «нет ли где тюленя», «не видно ли где оленей», и вдруг, обратившись к Носилову, «говорит, что он видит оленей». На расспросы самоед объяснил, «что пред его глазами мелькает три оленя» и что они наверное их увидят и будут охотиться. Прошли десятка полтора верст, собаки устали, а около полуночи поднялась метель. Сделали привал, и Носилов заснул под пологом, проснувшись под утро, протирает глаза, наводит зрительную трубку на противоположную гору и что же — действительно видит «одного оленя», а через час Вылка убил всех «трех».

Этот, по мнению Носилова, странный случай желает он отнести также к таинственному, из области самоедского ясновидения. «Откуда же взялись эти три оленя, когда мы прошли более трехсот верст и не видали даже следов их на северном острове?» — задает себе вопрос ученый путешественник. Разумеется, не с неба свалились! Следовало бы ему на это ответить.

Подобной же наивностью отличаются рассказы Носилова

⁶ Местн. выражение: остановились.

о цинге, которая будто бы является самоедам в виде нагой женщины, и об явлениях избранным из них давно вымершего народа, называемого «чудью».

Все это можно отнести к ряду сказок «не любо — не слушай». Но автор идет дальше: наряду с этими глупостями (да извинит меня он) о бабе-яге, о нагих женщинах ученый турист ставит видения самоедами святителя Николая в одеждах, якобы похожих на самоедские «савики»! Он утверждает затем, что очень многие самоеды знают в лицо святителя (по указанным выше «видениям») и потому легко отыскивают его образ в обдорской церкви; наконец, будто бы на паперти этой церкви есть даже особая икона для языческих жертвоприношений, «где не

трудно заметить следы крови на устах этого покровителя дикарей...». Позволяю себе думать, что такая ложь и кощунство едва ли могут быть допускаемы печатью, несмотря на авторитетность путешественника, и потому полагаю, что она имеет место на страницах газеты «Новое время», вероятно, вследствие одного только недосмотра редакции.

Оканчиваю свою заметку, перефразируя слова Носилова: как много мы еще не знаем в природе, но это еще ничего, но досадно то, что мы не умеем отличать серьезного, заслуживающего благоговения от суеверий и шарлатанства, и будем всегда такими, потому что не имеем прочного критерия для оценки окружающих нас явлений...

*В защиту обских инородцев¹**

Обдорский, Березовский и Сургутский округа населены исключительно инородцами: остяками, самоедами и вогулами. Эти народности ведут одни полуседлую жизнь, т.е. отъезжают от своих юрт на 100—400

верст на короткое время года для ловли и охоты; другие же кочуют со стадами оленей. Последних менее, потому что оленеводство упало в этом крае и сделалось достоянием уже меньшинства. Большинство или ры-

¹ Печатается по изданию: Восточное обозрение. 1885. №13. С. 2—3.

* Помещая настоящую статью одного очевидца и бытописателя инородцев на Севере, исследовавшего их положение и нужды, мы видим, что она затрагивает весьма существенные вопросы, и мы глубоко благодарны автору за это сообщение.

боловы, или зверопромышленники. Это большинство не имеет скотоводства и других домашних средств пропитания и исключительно стоит на зависимости от хорошего для рыбной ловли лета и для звероводства зимы и многих других условий местности, климата и даже своих экономических обстоятельств и условий. В силу этого оно постоянно находится в зависимости от природы сурового Севера. Та девственная природа, леса и те громадные реки, которые нам известны как неистошимое богатство зверем и рыбой, в действительности так недоступны и тяжелы для инородца, что он тщетно старается обеспечить себя от голода. Если он и мог бы что-либо извлечь более существенно обеспечивающее его жизнь от голода, то он не имеет материальной возможности на это. Кроме того, и сама природа стала значительно беднее. В 1883 году было мало рыбы летом, а зимой совершенно почти не было белки и другого зверя, и остяки голодовали. Нынешним летом повторилось то же. Зима нынешнего года вовсе не обещает звероловного промысла по Оби, и инородцы совершенно теряются в вопросе своего пропитания. Раньше этих годов был недостаток, но не такой, как в прошлый и нынешний годы. Рыба не заходит вследствие заторов льда на Обской губе, и в высокий летний уровень воды она если и захо-

дила, то не могла быть изловленной. Между тем это главный промысел. Звероловство же медленно падает из года в год, и на него уже нет надежды даже среди инородцев.

Еще давно нашим гениальным законодателем Сибири графом Сперанским было доказано, что инородцы этого севера не могут существовать без помощи правительства. Со времени его устроены были хлебные запасные магазины с ежегодным — от 10000 до 50000 пудов — запасом хлеба, сала и пороха со свинцом. Но, к сожалению, разумное законодательство, благодаря местной администрации, дает нам печальные результаты. Смета составляется такими личностями, которые не только не знают состояния и потребностей своего края, но даже численности и географического положения своих подвластных детей природы Севера. К этому нужно прибавить, что высшая администрация края урезывает еще эту смету по своему личному усмотрению, так что получается в результате или ничтожный запас провизии, который далеко не может обеспечить народонаселение от голода, или несоразмерность в количестве одного с другим: так, еще не забыта история распоряжения одного губернатора о назначении такого количества соли, которое едва не превышало количество хлеба.

Наконец, ближайшие распорядители доставки г. исправ-

ники, заведомо посылающие сюда для наживы, так распоряжаются с капиталом, что большая часть его попадает не по принадлежности, за что их почти каждый год меняют. Едва ли и возможно быть честным в таком крае, где соблазн, где само положение дела, где сам народ — все указывает человеку на то, что нужно быть глупым, чтобы быть честным.

В результате выходит то, что инородцы получают хлеб значительно дороже, чем он продается у купцов. Поэтому инородец, когда у него есть что-либо от добычи, променивает это купцу или просто чаще забатрачивается к нему в работу. Почти все наличное население, кроме кочевых самоедов и остяков, уходящих со стадами к морю, к Оби, ныне находится в неоплатном долгу у купцов только благодаря нынешнему порядку дел. В магазин же инородец идет тогда, когда ему совершенно нечего бывает есть. Тогда он получает в долг около 5—10 пудов хлеба, за которые должен скоро и уплатить. Наконец, чтобы получить эту субсидию, ему нужно приехать за 100—400 верст в магазин и еще подарить писаря. В последние два голодные года и к этому прибегали инородцы, но и это оказалось в нынешнюю зиму невозможным.

Но в этом году было так мало по Обдорскому и Березовскому краю засеяно хлеба, что исправник ездил отбирать

еще осенью расписки от купцов, чтобы они не продавали хлеб за Урал в Печорский голодующий край ввиду голода по недостатку казенного хлеба на Оби. К 1 января 1885 года в обдорском магазине было хлеба до 5000 пудов на все население края, численность которого простирается до 2000 человек, т.е. по $2\frac{1}{2}$ пуда на 6 месяцев на человека. Теперь там стоимость хлеба 2 рубля за пуд. Возможно ли при таких условиях без рыбной ловли и звериного промысла пропитаться инородцу — это понятно всякому знающему, что весь инвентарь имущества этого бедняка заключается в 20—40 р. стоимости, а его домашнее скотоводство в 5—6 собаках. Между тем, у тех же инородцев есть свой большой капитал для продовольствия и запасов хлеба от правительства; они имеют право быть застрахованными от голода, но на самом деле ежегодно голодуют, забатрачиваются и вымирают от нужды, но только все это происходит в таком отдаленном, глухом краю и среди такого народа, который еще никогда не заявлял о своих нуждах ни публике, ни печати, и едва ли когда будет заявлять, так как при подобных условиях жизни подорвано его экономическое состояние, при расстройстве которого его преследует природа, присудившая эту расу к вымиранию.

Изыскание пути по соединению Обского и Печорского бассейнов¹

(Письмо в редакцию)

Ввиду того интереса, который представляет в настоящее время открытие пути, или прохода, для соединения рельсовым путем Обского и Печорского бассейнов, и неточных слухов, временно появлявшихся осенью 1884 года в газетах, я решился на страницах вашей газеты, имеющей тесное отношение к интересам Сибири, сообщить те сведения об этом пути, которые мною были добыты при изысканиях этого пути и уже читаны в заседаниях Императорского Русского географического общества и собраниях инженеров путей сообщения в инженерном клубе после возвращения моего из поездки на Полярный Урал.

Мотивами к изысканию пути по проходам через Уральский хребт послужили заботы Министерства путей сообщения по соединению Оби с Енисеем, следствием которого уже прямо является необходимость соединить и реку Обь с Печорой, что может заменить необходимость транзита по уральской железной дороге, Колпе, Выми, и тем путем, который должен служить сибирским товарам для достижения морских портов для выхода в заграничные, так как Сибирь более име-

ет такой продукт, который нуждается в вывозе в заграничные порты, чем такой, который шел бы для нужд и потребностей внутренней России. Затем этот путь должен заменить собой водный путь через Карское море, надежды на который еще долго могут не осуществиться.

Для того, чтобы иметь удобный водный путь со стороны реки Оби к Уралу, я избрал реку Северную Сосьву и приток ее — реку Сыгву, которые подходят очень близко к отрогам Уральского хребта. Лето и осень 1883 года я провел за съемкой на план и промерами этих рек.

Летом 1884 года мной были снова продолжены гидрографические работы над данными реками и их протоками, результатом чего получился вполне основательный и достаточный материал наблюдений, который дает право рассчитывать на полную возможность рек Северной Сосьвы и Сыгвы для судоходства судов с грузами до 50000 пудов при осадке в 4 фута. Конечным пунктом для судоходства, а вместе с тем начальным пунктом для рельсового пути являются остяцкие юрты Хорум-пауль на реке Сыгве.

Из семи проходов на протяжении 320 верст вдоль хреб-

¹ Печатается по изданию: Восточное обозрение. 1885. №15. С. 8—9.

та, осмотренных мной за полтора года моих там исследований, оказался лучшим проход князя Курбского, названный мною в честь князя Семена Курбского, прошедшего еще в 1499 году с Печоры на Сыгву и Обь для завоевания обских инородцев. Этот проход образовался долиной реки Щугор, протока р. Печоры, пересекающей Уральский хребет, благодаря близости высочайшей горы Телл-поос, которая, имея длинную ось перпендикулярно оси Уральского хребта, образовала глубокую и широкую долину на линии Уральского хребта и таким образом отбросила линию водораздела восточнее, где она имеет наибольшую величину над уровнем моря — лишь 1450 футов, и долиной Сыгвы и Печоры — всего около 1100—1000 футов. Таким образом, минув по ровной долине Щугора цепи Уральского хребта, путь свободно поднимается к водоразделу по реке Нонг-Сорыя и, свободно достигнув его, полого опускается по долине реки Тупред, притоку р. Чертынь-я, в ровную лесистую равнину, прилегающую к Сыгве.

Все расстояние пути определено в 147 верст, если пристань будет устроена в 22 верстах от устья Щугора на последней, и в 127 верст, если пристань для пароходов будет устроена при устье реки Ичед-Потэк, притока р. Щугора. Река Щугор по гидрографическим

изысканиям дает возможность для устройства по ней сплава от устья Нонг-Сорыя, если для этого будут употреблены средства для расчистки фарватера реки, по измерению удобного для сплава судов с 10000 пудов груза при осадке в 3 фута.

С устья же Ичед-Потэк она вполне способна для судоходства плоскодонных речных судов и пароходства и не потребует больших затрат для технических приспособлений. Характер Щугора напоминает реки Чусовую и Белую, которые уже известны давно как реки, по которым сплавлен не один миллион пудов металлов с уральских заводов. Щугор значительно больше их и может рассчитывать на сплав и пароходство вполне. С Щугора суда могут уже свободно рейсировать по Печоре, где уже четыре навигации рейсируют три парохода.

На всем протяжении пути не выходит из пределов леса — это важное преимущество данного пути и прохода перед другими северными проходами, лишенными растительности вследствие сильных буранов, свирепствующих здесь зимой и нередко влекущих за собой смерть путников. Подъемы вполне позволяют для проложения рельсового пути и по nivelировке (барометрической) не превышают высших уклонов, выработанных железнодорожной техникой. Устройство данного пути сравнительно с уст-

роенными уже в России узкоколейными путями, как, например, Брянской железной дороги, Мальцевской и другими, не должно превышать стоимости 12000 рублей на версту с подвижным составом, что на расстояние в 127 верст составит 1524000 рублей. Благодаря дешевизне устройства подобных путей они не тяжело ложатся на общества, устраивающие их, и скоро окупятся. Кроме того, они не требуют от направления громадного количества пудов товара для транзита и могут скорее принести пользу государству и производительности края, чем дорогостоящие ширококолейные. Это направление в первое время не может рассчитывать на значительное количество грузов, хотя, бесспорно, количество отправляемых сырых продуктов через этот путь за границу будет увеличиваться ежегодно; поэтому всего удобнее затрачивать здесь только ту сумму, которая скорее могла бы окупиться эксплуатацией дороги. Теперь посмотрим, каким путем будут подвозиться товары к данному пути. Со стороны Сибири должно направить сюда лишь то сырье, которое теперь не находит себе еще рынка и недостаточных потребителей: это — зерновой хлеб, сало, лен, конопля, пенька, шерсть, спирт, кожи и проч. С открытием Обь-Енисейского канала подвоз грузов может быть с громадного райо-

на, захватывающего Ангару, Обь, Енисей, Тобол, Иртыш и пр. Суда, достигнув пристани Хорум-пауль, будут перевезены на Щугор, где на речном судне могут быть сплавлены к устью Печоры, где, перегрузившись на морские суда, они могут свободно направиться к заграничным портам. Все, что требуется для Сибири из заграничных товаров, также может привозиться, входить в устье Печоры, затем подниматься до Щугора, и после короткого рельсового пути оно может быть легко сплавлено в Сибирь по Оби, Енисею или Иртышу, Тоболу.

Важность этого пути, как пути прямого в заграничные порты и по кратности рельсового пути дешевого, вполне ясно будет для всякого, кто обратит внимание на карте на тот незначительный перешеек, представляемый этим путем, который разделяет громадный Обь-Енисейский бассейн от Печорского и морского пути. Незначительные затраты ввиду необходимости дать выход сибирским продуктам в море и за границу и ввиду оживления как Сибири, так и Печорского края, положение которого заставляет глубоко задумываться правительство, едва ли встретят препятствие при осуществлении данного пути, который мог бы заменить путь по Карскому морю и оживить производительность Сибири, нуждающейся в подобном пути.